

УДК 82-94

ДВЕ РЕЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ Б.М. ЭЙХЕНБАУМА (Е.Л. Шварц и В.А. Каверин)

ТАБОРИССКАЯ Евгения Михайловна,

доктор филологических наук, профессор кафедры книгоиздания и книжной торговли, Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна

АННОТАЦИЯ. В данной статье автор противопоставляет рецензии личности Б. Эйхенбаума его учениками – драматургом Е.Л. Шварцем и будущим писателем В. Кавериним – в процессе поиска ответов на вопросы: «каким был Эйхенбаум?» и «каким его видели окружающие?».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человек-легенда, воспоминания современников, дневниковые записи, набор характеристик.

TABORISSKAYA E. M.,

Dr. Philolog. Sci., Professor of the Department of book printing and book trade, North-West Institute of Printing Arts of St. Petersburg State University of Technology and Design

TWO RECEPTIONS OF EICHENBAUM'S PERSONALITY (A.L. SCHWARTZ AND V.A. KAVERIN)

ABSTRACT. In this article the author contrasts receptions of B. Eichenbaum's personality by one of his disciples, playwright E.L. Schwartz, and prospective writer V. Kaverin in order to discover what Eichenbaum was like, and the way he was seen by the others.

KEY WORDS: legend, memoirs of contemporaries, diary entries, set of characteristics.

Б. М. Эйхенбаум – один из крупнейших литературоведов XX века из замечательной плеяды, составившей славу кафедры русской литературы Ленинградского университета – с течением времени становится человеком-легендой. Его филологическое наследие – достояние науки и ее истории, его личность отражена в авторской книге «Мой современник» и в воспоминаниях современников, которых с каждым годом становится все меньше.

Естественно, встает вопрос о том, каким был Борис Михайлович. И рядом закономерно возникают и другие вопросы: «каким его видели люди, близко его знавшие, тесно общавшиеся с ним?» и «как их видение замечательного человека отразилось на характере портретирования?»; «как повлиял на изображение и оценку Эйхенбаума жанр, в котором запечатлены черты этого выдающегося деятеля науки?». Список можно продолжать.

Чтобы хоть в малой степени ответить на все эти вопросы, пришлось обратиться к текстам, созданным Е.Л. Шварцем и В.А. Кавериним. Оба знали Б.М. Эйхенбаума с 1920-х годов. Каверин тогда учился на филфаке Петроградского университета и работал в семинаре по истории XIX века, который вел доцент Эйхенбаум, кроме того, Борис Михайлович был близок и дружески, и по ОПОЯЗу к Ю.Н. Тынянову, в семье которого жил юный Венья Каверин (Тынянов был женат на его сестре – Е.А. Зильбер).

Шварц тоже хорошо знал Б.М. Эйхенбаума. Долгое время они жили в соседних квартирах «писательской надстройки» в доме на канале Грибоедова, и их отношения были прочными, многолетними. Шварц и Каверин были знакомы со времени так

называемых «серапионовских суббот» – регулярных собраний членов этой литературной группы, начавшихся в 1920 г. в Доме искусств (бывшем доме купцов Елисеевых на Невском). Шварц оставил литературный портрет Каверина в «Телефонной книжке» – «длинной работе», затеянной в 1955 году. Каверин посвятил Шварцу статью в жанре литературного портрета «Ланцелот» уже в конце 1970-х годов. Опубликованная в первом номере журнала за 1978 г., она, видимо, была приурочена к двадцатилетию со дня смерти Шварца, Каверин не только высоко ставил дарование Шварца-драматурга, но и особо ценил его прозу, тогда, да и теперь опубликованную далеко не в полном объеме. Каверин отмечал в даровании Шварца высочайшую требовательность к себе и абсолютный вкус – причина того, что Шварцу вечно «не писалось». В его творчестве Каверин особо ценил портретность. «Портретность – вот, быть может, самая сильная его черта, сливающая воедино дневники с художественной прозой.

<...> Он свободно владеет всеми особенностями этого жанра. В основе каждого портрета – характер, подчас давно изученный, хорошо знакомый, подчас схваченный с первого беглого взгляда» [1].

В записях Шварца портрет Каверина дан на фоне и в сопоставлении с кругом серапионов (Тихонов, Федин, Слонимский) и обериутов (Олейников, Хармс, Заболоцкий). Изображение оказывается далеким от хрестоматийного: на пяти страницах текста запечатлена жизнь мальчика «в гимназической куртке», видевшего мир через цветное стекло литературы: «И к литературе подходил он через литературоведение. И то, что он прочел, было для него материалом, а то, что увидел, – не было» [1,

с. 506]. Для Шварца Каверин – антипод, свято верящий в свой талант, человек, которому «жизнь в бесконечном многообразии своем захотела показать, что способна создавать и такие благополучные судьбы». Но в «благополучном» Каверине Шварц ценит неиссякаемое трудолюбие, благодаря которому «литература» стала подчиняться ему, стала пластичной, и тогда открылось лучшее в каверинском существе: «добродушие, уважение к человеческой работе, наивность мальчишеская с мальчишеской любовью к приключениям и подвигам» [там же]. На страницах «Телефонной книжки», посвященных Каверину, это очень значимая похвала: «Каверин оказался верным и смелым другом в трудные минуты». И, прерывая себя, Шварц завершает этот портрет обобщающим наблюдением: «Я давно сделал открытие, что великие люди – одно, а близкие – другое» [1, с. 509].

«Двойной портрет» Эйхенбаума принадлежит людям, которых сблизила жизнь и литература, но они очень не схожи по человеческой сути, по способу видения и портретирования. Задача статьи – уловить позицию двух авторов-современников в отношении к человеку значительному и уважаемому.

Жанр обоих произведений, в которых фигурирует Б.М. Эйхенбаум, относится к документальной прозе. И у Шварца, и у Каверина это проза пограничная. Е.Л. Шварц с двадцатых годов вел дневники, но записи первых двух десятилетий уничтожил в блокадном Ленинграде. С 1942 г. он снова ведет дневниковые записи, которые для него как писателя приобретают особое назначение.

Зрелый драматург, к середине сороковых годов создавший «Тень» и «Дракона», Шварц чувствовал себя неуверенно в сфере прозы и постоянно винил себя за неумение работать систематически, изо дня в день. Ежедневные записи в больших амбарных книгах стали для него способом овладения прозой, а для исследователей и читателей – ценнейшим источником информации о писателе и человеке Евгении Шварце. Каверин обратился к мемуарной прозе в 1970-х гг. В 1974–1976 гг. журнал «Звезда» последовательно публиковал часть за частью его автобиографическую трилогию «Освещенные окна», книгу о становлении Каверина-писателя.

В дневниковых записях Е.Л. Шварца имя Эйхенбаума появляется в разные годы, как правило, по бытовым поводам. Такова, например, запись 1 января 1957 г., фиксирующая встречу Нового года у Эйхенбаума. Иногда имя Бориса Михайловича появляется в записях, посвященных другим знакомым и друзьям Шварца. Например, 1 августа 1954 года Эйхенбаум фигурирует в воспоминаниях о начале войны. В этом эпизоде центральное лицо – писатель Михаил Козаков, а Эйхенбаум – персонаж фоновый. Целостный абрис личности Б.М. Эйхенбаума в прозе Шварца закреплен на немногих страницах «Телефонной книжки». Это текст, созданный в 1956 году (при жизни Бориса Михайловича), три года спустя после смерти Сталина, в самом начале «хрущевской оттепели».

У Каверина Эйхенбаум – второплановый персонаж третьей книги «Освещенных окон» – «Петроградский студент». Время действия в ней – 1920–1922 гг., Петроград на переходе от гражданской войны к НЭПу. «Петроградский студент» печатался в 3–4 номерах журнала «Звезда» за 1976 г. Работа над этим произведением шла в пору «брежневского застоя», спустя полтора десятилетия после смерти Бориса Михайловича (1959). Изображаемые собы-

тия отдалены • К научной биографии Б.М. Эйхенбаума на полвека. В расшифровке записей у нас были записи, которые вел Эйхенбаум, и целостная завершенность состоявшейся жизни большого ученого, связи с которым поддерживались многие десятилетия. Но в «Петроградском студенте» Каверин не ставил задачу воссоздания личности Бориса Михайловича.

«Освещенные окна» хочется назвать моноцентрической прозой. В центре трилогии «я» – В.А. Каверин, пишущий книгу, и «я» – герой этой книги, интересный самому себе (творцу) как будущий писатель. Персонажи «Освещенных окон» – родные, друзья детства, псковские гимназические товарищи и учителя, посетители и завсегдатаи московского «Кафе Поэтов», А. Белый, группа «Серапионовы братья», семья Тыняновых, профессора Петроградского университета и Восточного института – густо населяют страницы каверинской книги. Но они интересны в первую очередь не сами по себе: они участники и свидетели жизни петроградского студента, серапионова брата и будущего очень известного писателя В.А. Каверина. И если И.Ю. Крачковскому, Е.Д. Поливанову, Л.В. Щербе посвящены главы, то Б.М. Эйхенбаум возникает в «Петербургском студенте» эпизодически. То он заходит в квартиру Ю.Н. Тынянова на Греческом проспекте, то встречается с Кавериним и Лидочкой Тыняновой на улице, то возникает как руководитель семинара по русской литературе XIX века в связи с докладом Каверина о Достоевском и в еще большей степени в связи с блестящим выступлением Льва Лунца в ходе этого семинарского занятия. Сам автор говорит о том, что Эйхенбаум «и все то, что было связано с ним, запомнилось хоть и конкретно, но соотнесенно в связи с семинаром по истории русской литературы XIX века... Это был портрет на фоне, превратившийся в групповой портрет» [2, с. 439]. И только в одном эпизоде Эйхенбаум показан как фигура очень важная для студента-филолога и начинающего писателя Вени Каверина и почти судьбоносная для признанного при жизни едва ли не классиком В.А. Каверина.

Эйхенбаум входил в состав жюри литературного конкурса, на который студент Каверин послал рассказ «Одиннадцатая аксиома». В главе «Надежда» Каверин описывает, как Борис Михайлович делится впечатлениями со своим другом Ю.Н. Тыняновым о пока еще анонимной «Одиннадцатой аксиоме», а юный автор, «потрясенный и ошеломленный», у полуоткрытой двери слушает его отзыв:

– Конечно, написано еще очень по-детски, – оживленно говорил он. – Но каков замысел! Нет, положительно, автор заслуживает премии. Хотя бы за странное воображение [2, с. 440].

В той же главе Каверин знакомит читателей со своим видением личности и значения Б.М. Эйхенбаума, выступающим коррективом к «портрету на фоне». Автор «Петроградского студента» обращается к дневникам Б.М. Эйхенбаума, тогда, в 1970-е гг., «не опубликованным, но уже, конечно, заслуживающим опубликования. Это – отзвуки дневной жизни, за которыми слышится полужаметная, ночная – та, которую трудно записать аккуратным подчерком, под определенной датой» [там же, с. 439].

В подтверждение способности Б.М. Эйхенбаума видеть жизнь в двойном преломлении Каверин приводит выдержки из дневников своего учителя за 1915–1922 гг. Это сны (одному из них – «Мертвые

приходят за своими паспортами» – Каверин, возможно, обязан центральным эпизодом: город бумажных душ Шварца в сказке «Верлиока», 1983 г.), это афоризмы, это глубокие и точно сформулированные замечания о жизни и науке. Например, «Всякое видение есть видение. Люди делаются на смотрящих и видящих» [там же].

Каверин ясно представляет сложность личности Б.М. Эйхенбаума: «чтобы чувствовать себя счастливым, ему нужно было и мало и много. В обыкновенной жизни мало: здоровье и спокойствие близких и друзей, возможность работы. Но в работе много <...> и он всегда явствовал себя в долгу перед ней». Каверин свидетельствует, что Борис Михайлович к работе относился как к служению, самоабвенно и был безгранично требовательным к самому себе: «Работая над Лермонтовым, Ахматовой, Толстым, он "посвящал себя" – при этом никогда не забывая об изяществе наряду с простотой» [2, с. 440].

Не проходит ученик Б.М. Эйхенбаума и мимо противоречивости своего преподавателя. «Его тонкое лицо с бородкой, в пенсне, с треснувшим стеклышком (которое он не успевая заменить годами), его манера внимательно выслушивать собеседника, какую бы нелепицу он ни городил, его добрый смех, невообразимая вежливость – все, казалось, говорило о характере неуверенном, шатком, непрочном. Ничуть не бывало! В нем была неустанная обращенность к себе, обязывающая <...>, остававшаяся молодой вопреки испытаниям, которые длились десятилетиями» [там же].

Каверин не конкретизирует испытаний, выпавших на долю Эйхенбаума. Их расшифровка, даже самая сжатая, сместила бы пропорции событийно насыщенной главы, отклонила бы в сторону центральную нить достаточно динамичного повествования «Освещенных окон».

Не конкретизирует их и Е.Л. Шварц. 13 августа 1956 года, продолжая начатый накануне портрет Эйхенбаума, он пишет: «Сейчас все несколько упростилось. Стало полегче. Его снова позвали в Пушкинский Дом старшим научным сотрудником. Словно проснувшись, припомнили, что он один из лучших текстологов, если не лучший, по всей стране. Его статьи стали печатать в журналах как ни в чем не бывало, а он? Как и все эти самые страшные годы работает не разгибая спины» [1, с. 607]. Писатель избегает уточнений о самых страшных годах (следовательно, были еще пусть и не такие, но тоже страшные), не сломивших ни исследовательского духа, ни работоспособности ученого. Гибель единственного сына на Отечественной войне, смерть жены, годы «борьбы с космополитизмом», когда его уволили и из Пушкинского Дома, и из университета – все это стояло за строками Шварца, решающего «трудную задачу» воссоздания образа в чем-то близкого, в чем-то далекого, но значительного и вызывающего любовное чувство человека.

Для Шварца Эйхенбаум – «существо высшей породы». В это определение автор «Дракона» вкладывает свой смысл, лишенный даже оттенка преклонения или поклонения. Шварц чит в Эйхенбауме «настоящую силу, которая дорогого стоит. <...> Его били смертельным боем, а он выковался в настоящего ученого» [1, с. 607]. Способность противостоять обстоятельствам, «расти и расти, не останавливаясь», не осознанная, но могучая сила, заставляющая Бориса Михайловича «словно по обету мучиться над ничтожным иной раз примечанием»,

доводя «работу до драгоценной точности» – вот что делает Эйхенбаума существом высшей породы.

Автор «Телефонной книжки» видит в Эйхенбауме личность нетривиальную, противоречивую при всей цельности, точнее, целенаправленности. Противоречия отчасти коренятся в самом Эйхенбауме, отчасти связаны со взглядом Шварца, который начинает его портрет с замечания: «Я его слишком давно знаю, и мелочи сбивают с толку» [там же, с. 606].

В записи от 17 и 18 июня 1953 г., вспоминая отдых в Новом Афоне 1928 г., проведенный в компании молодых «чистопородных» литераторов Н.Л. Степанова и Л.А. Гофмана, Шварц воспроизводит отношение учеников Б.М. Эйхенбаума к учителю. У них восторженное уважение переплетается с жалобами на его переменчивость, холодность, неумение их любить по-настоящему. Гофман восторженно говорит о первой книге Эйхенбаума о Толстом: «... исследователь-литературовед, в сущности, не ниже, а может, и выше исследуемого писателя» [там же, с. 325–326], а затем упрекает Эйхенбаума за использование биографического метода. Восторг и раздражение молодых литературоведов помогают Шварцу глубже проникнуть в сущность личности их учителя.

Шварц не филолог, он художник, и мысль Гофмана, что Эйхенбаум выше Льва Толстого, вызывает у него «подобие ужаса», но в самом Борисе Михайловиче Шварц за десятилетия (он знал его с 1921 г.) научился видеть главное достоинство ученого – верность науке.

Если Каверин, рисуя образ Эйхенбаума, варьирует устойчивый набор характеристик: немислимая вежливость, неотъемлемое изящество, пенсне с треснувшим стеклышком (в «Петроградском студенте» автор «проговаривается», что это стеклышко попало в студенческую эпиграмму), то Шварц использует значительно более широкий арсенал наблюдений. Он замечает, что годы не влияют на внешность Бориса Михайловича: «... совсем не изменился он и до наших дней. Тогда выглядел старше своих лет, а сегодня (в 1953 г. – Е.Т.) по возрасту» [1, с. 325].

Характеризуя внешний облик Эйхенбаума, отмеченный столь редко встречающейся устойчивостью, Шварц ищет точное, нестертое слово. В 1953 г., вспоминая, каким был Эйхенбаум в Новом Афоне, он пишет: «А он, легонький, седенький, большеголовый, лысый, был необыкновенно ровен к своим ученикам, внимателен, благожелателен» [там же].

В записи 9 августа 1953 г. Шварц отмечает: «Борис Михайлович ... так нежен, так бел, что говорить о нем точно как бы кощунство. Не то я сказал: "нежен" – не то слово. "Субтилен" – вот это несколько ближе» [там же, с. 406]. Через три года в «Телефонную книжку» автор внесет еще одно уточнение в портрет своего давнего знакомого: «Большая голова. Не по хилому телу большая, – так казалось мне, когда познакомились мы. Впоследствии убедился, что тело у него по-мальчишески складное и мускулистое, так что голова – чему особенно помогала резкая граница загара – лысая, крупная, седая голова его казалась приспособленной к шее по ошибке» [там же, с. 606]. Шварц, давший себе слово ничего не зачеркивать в своих записях, ведет последовательную художественную работу, добиваясь наиболее точного соответствия объекта изображения и его воплощения в слове. Может быть, это

свойство его письма и вызвало отзыв Каверина о Шварце как о мастере портрета.

Эйхенбаум у Шварца – предмет особого, индивидуального осмысления. Для Шварца он – не решаемая загадка, а явление, индивидуальность – крупная и самоценная. И Шварц, говоря об Эйхенбауме, постоянно стремится проникнуть, уяснить для себя, каков на самом деле его давний и близкий знакомец.

Физическая «рассогласованность», так убедительно воспроизведенная в записи от 12 августа 1956 г., становится для Шварца своеобразным «разбегом» к воссозданию духовного облика Б.М. Эйхенбаума как «высшего существа». 9 августа 1954 г. Шварц размышляет о том, что ровность,

ласковость, внимательность Эйхенбаума ко всем (это все аналоги «немыслимой вежливости» у Каверина) «в глубине души недостаточно ценишь». «Субтильность Бори» (так Шварц называет Эйхенбаума только • К научной биографии Б.М. Эйхенбаума ваясь о реальной близости долгих отношений) «подсказывает еще темную, но неотвязную мыслишку: такому нетрудно быть порядочным, хорошим даже человеком», но продолжением «мыслишки» у Шварца становятся не аргументы в ее пользу, а контрастное утверждение: «Нет человека, который, познакомившись с ним, не уважал бы его в конце концов» [1, с. 325].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шварц Е.Л. Телефонная книжка / Е.Л. Шварц. – М. : Искусство, 1997. – 640 с.
2. Каверин В.А. Освещенные окна / В.А. Каверин. – М. : Художественная литература, 1983. – 592 с.